

Меньковский, В.И. Первые структурно-функциональные модели изучения советской истории 1930-х гг. в англо-американской историографии / В.И. Меньковский // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 2. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2007. — С. 9–18.

В. И. Меньковский

ПЕРВЫЕ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ 1930-х гг. В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В 1960—1970-х гг. Советский Союз становится для англо-американских советологов понятным в традиционных для западной историографии категориях. Национализм, геополитическое положение, попытки преодолеть отсталость, авторитарная политическая культура — комбинация этих взглядов стала более важной для аналитиков, чем тоталитарная модель. Многие в этих объяснениях не исключало того, что в определенном смысле СССР являлся тоталитарным государством. Однако его тоталитарные характеристики стали оцениваться как динамичные и исторически специфические.

Новой моделью анализа советской политической системы стала «конфликтная модель»¹. Она не была статичной, т. е. не предполагала, что система будет неизменной в течение длительного времени, и подчеркивала, что власть внутри советского руководства была постоянным объектом борьбы. В рамках подобного подхода была переработана и переиздана книга М. Фейнсода «Как Россия управляется» — одна из самых известных работ о сталинском Советском Союзе, доминировавшая в советологии более десятилетия. Это авторитетное исследование, основанное на исторической базе, ориентировалось на тоталитарную модель, хотя и не принижало проявление разногласий и различий в Советском Союзе. Дж. Хаф добавил в переработанный вариант текста М. Фейнсода такие темы, как фракционные конфликты, политические дебаты, плюралистические тенденции в советском обществе. Он объяснял эти изменения тем, что «в трудах, исследующих западную политическую систему, внимание концентрируется на политическом процессе и серьезное исследование Советского Союза требует постановки таких же вопросов»².

Сторонники «конфликтной модели» поддерживали вывод о системе, в которой решения принимались «сверху вниз», но в которой конфликты между соподчиненными структурами были терпимы или даже поощрялись. Г. Скиллинг, один из самых последовательных сторонников такого подхода, писал: «Идея, что «группы интересов» могут играть серьезную роль в коммунистической системе, до недавнего времени не находила поддержки среди ученых, изучавших Советский Союз. Уникальность тоталитарной системы по определению исключала любую сферу автономного поведения какой-либо группы кроме государства или партии»³.

Меньковский Вячеслав Иванович — профессор кафедры истории России БГУ, доктор исторических наук

Первой серьезной попыткой обоснования внешних проявлений советской политической системы с помощью анализа ее внутренней структуры была работа Ф. Баргхорна «Политика в СССР»⁴. Хотя главное внимание концентрировалось на вершине властной пирамиды, а не на политической системе в целом, подобный анализ конфликтующих групп был ранее невозможен ни в ортодоксальных исследованиях советских ученых, ни в ортодоксальных работах западных сторонников тоталитарной школы.

Впечатляющим образцом исследования взаимовлияния идеологических и исторических составляющих в формировании советской политической, экономической и общественной системы была работа Б. Мура «Советская политика». В ней, а затем и в книге «Террор или прогресс» аргументировался вывод о том, что под влиянием исторической реальности в СССР сформировалась общественная система, во многом отличавшаяся от прогнозов коммунистической теории и идеологии. На историческом фундаменте базировались и опубликованные в 1950-х — начале 1960-х гг. труды А. Улама, Дж. Хазарда, Дж. Армстронга⁵.

Хотя социологические и антропологические теории имели определенное влияние на работы Б. Мура, до публикации «Политической системы» Д. Истона, «Процесса принятия решений» Х. Лассвела и «Сравнимых политических систем» Г. Алмонда системно-функциональные

концепции мало использовались при изучении коммунистических систем⁶. Д. Лейн считал, что в начале 1970-х гг. изучение роли классов, национальностей, «групп влияния» в политическом процессе занимало маргинальное положение в советских исследованиях. Он связывал это с негативным влиянием «кремленологии», рассматривавшей лишь результаты деятельности политических лидеров и институтов⁷. В работе «Политика и общество в СССР» Д. Лейн обосновывал системно-функциональный подход к изучению советских политических институтов стремлением интегрировать результаты западных исследований, использовавших социологические методы⁸.

Работы, в которых использовался структурно-функциональный подход, позволили рассмотреть взаимосвязь между политическими институтами и процессом принятия решений как более сложное и многогранное явление, чем оно представлялось в ранних советологических исследованиях. Общество стало рассматриваться не только как «управляемое», но и оказывающее влияние на государственные и партийные институты. Политический процесс анализировался более детально, через отдельные фазы, такие, как постановка задач, принятие решений, их выполнение и оценка результатов.

Также усилилось внимание исследователей к оценке роли и места технократической бюрократии в советском обществе. Так, А. Мейер описывал СССР как «огромную бюрократическую машину, сравнимую по структуре и функциям с гигантскими корпорациями, армиями и подобными организациями»⁹. Система объединялась общими целями, направлялась и контролировалась из единого центра. Такая точка зрения была близка к позициям тех авторов, которые рассматривали Советский Союз как «управляемое общество», «командную систему». Например, А. Кассоф отмечал наличие сильной правящей группы, обладающей монополией на знания, необходимые для планирования и координации деятельности системы¹⁰. Т. Ригби подчеркивал наличие одной группы (партия и ее лидер), которая осуществляла контролирующие функции, в то время как остальная система покорно и точно выполняла намеченные

планы¹¹. Дж. Армстронг также писал об иерархическом управлении, но считал, что структура не полностью однообразна и жестка, поскольку сказываются как факторы личных отношений, так и недостаточно эффективные коммуникационные связи¹².

Следует отметить, что среди исследователей не было единого взгляда на то, какие слои партийной, государственной, военной, промышленной, научной бюрократии могут быть отнесены к правящей страте. Более того, часть исследователей считала, что было бы ошибкой говорить о единстве интересов советской элиты. Так, с точки зрения Ф. Баргхорна, «факты свидетельствовали, что разногласия, конфликты и внутренняя политическая борьба могут играть в однопартийных системах большую (хотя и скрытую) роль, чем в демократических странах»¹³.

Подобные взгляды в сочетании с отрицательным отношением к тоталитарной парадигме вели к стремлению исследователей использовать плюралистические теории, прежде всего такие, как модели «групп интересов» и корпоратизма. Модель «групп интересов» первоначально использовалась при изучении американской политической системы, а в 1950—1960-е гг. стала применяться и для исследования европейского и латиноамериканского регионов. Возможность ее использования по отношению к коммунистическим системам первым обосновал Г. Скиллинг в статье «Группы интересов и коммунистическая политика», опубликованной в 1966 г. в журнале «Мировая политика»¹⁴. В 1971 г. под редакцией Г. Скиллинга и Ф. Гриффитса вышел сборник «Группы интересов в советской политике», некоторые авторы которого утверждали, что подобные группы не только существуют в коммунистических странах, но и оказывают реальное влияние на принятие решений и формирование политики советских лидеров¹⁵.

Новая модель вызвала неоднозначную реакцию в среде специалистов. Даже один из соредкторов (Ф. Гриффитс) предпочитал говорить о существовании в Советском Союзе «скорее тенденций, чем групп». В ответ на прозвучавшую критику Г. Скиллинга подчеркивал, что он не претендует на то, чтобы рассматривать применяемый подход как единственную модель объяснения советской системы. Он соглашался, что «группы интересов» не являются важнейшей чертой политической системы СССР, но их изучение позволяло лучше понять отдельные аспекты советской реальности¹⁶. С этим утверждением, с нашей точки зрения, можно согласиться. Однако следует иметь в виду, что «группы интересов» в Советском Союзе не были открытыми и автономными. Следовательно, их наличие не означало, что советскую систему можно было характеризовать как плюралистическую.

Корпоратистскую модель при изучении Советского Союза использовали на рубеже 1970—1980-х гг. В. Бунсе и Дж. Эчолс, считая, что понятие «государственный корпоратизм» наиболее точно отражает

сущность политической системы СССР¹⁷. Однако общее количество «корпоратистских» работ было невелико и можно считать, что модель не оказала значительного влияния на англо-американскую советологию.

Шагом вперед в понимании политики внутри Политбюро как производной части всей политической системы стали структуралистские концепции. Они базировались на анализе взаимодействия политических и экономических институтов, учреждений и обезличенных экономических и географических понятий, не связанных с «намерениями» личностей, групп или партий¹⁸. Сторонники этого направления создавали более сложную картину советской политической системы, чем тоталитарная и кон-

фликтная модели. Структуралистский подход признавал наличие множественных интересов в партийном и советском аппарате, трактовал принятие политических решений как результат согласования различных интересов, подчеркивал разницу в процессах принятия решений и их выполнения и оценивал отношения между партийно-государственным аппаратом и обществом как интерактивные.

В 1970-е гг. более заметное влияние начало приобретать объяснение функционирования политической системы СССР с помощью модели «патрон — клиент». Это было связано с очевидной важностью фракционности, покровительства, коррупции в коммунистической системе. Ни плюралистические, ни тоталитарная модель не смогли дать адекватного объяснения этим явлениям и первоначально «клиентелизм» нашел отражение в кремленологических исследованиях, например в работе Р. Конквеста «Власть и политика в СССР», в которой он исследовал «советские династии»¹⁹.

Схема «патрон — клиент» возникла как элемент антропологических и социологических исследований. Через взаимоотношения двух личностей и совокупность таких взаимоотношений в ней анализировалась деятельность партий, групп интересов, бюрократических структур. Как считал Дж. Хоскинг, Россия по разным причинам не имела возможности создать государство на основе институтов и законов и вместо этого она создала свою государственность на основе личных отношений, т. е. патронно-клиентских²⁰. Важнейшими ценностями в системе отношений «клиентелизма» являлись власть и покровительство. Дж. Виллертон отмечал наличие связей «патрон — клиент» на уровне членов Политбюро и Центрального Комитета КПСС. Подтверждением наличия таких взаимоотношений служило изменение служебного положения членов ЦК в результате взлетов или падений их «патронов» в Политбюро²¹.

Т. Ригби считал, что хотя «клиентелизм и покровительство» являются широко распространенными явлениями в любых общественных системах, наибольшее значение отношения «патрон — клиент» имели в феодальных или квазифеодальных обществах, где они, возможно, играли центральную роль. Советская бюрократическая система имела свои особенности, связанные с сочетанием традиционных черт клиентелизма с большевистской идеологией и особенностями политической системы.

На состояние советологических исследований на рубеже 1960—1970-х гг. большое влияние оказала «бихевиористическая революция» в социальных науках, вызвавшая особое внимание к поведению масс и элиты²². Предметом углубленного исследования советологов стали отдельные аспекты функционирования советской системы. Акцент делался на природе политического лидерства, принятии решений и дебатах внутри партийного и советского руководства, смене политических лидеров²³. Наиболее заметной работой 1960-х гг. была книга Дж. Хафа «Советские префекты», анализирующая деятельность первых секретарей обкомов КПСС²⁴. В. Бунсе отмечала, что эта работа выделялась потому, что, сочетая эмпирический и теоретический подход, она показывала реальный смысл функционирования и логику построения партийного и советского аппарата²⁵.

Диктаторский и закрытый характер советской системы вместе с долговременным влиянием тоталитарной модели на англо-американскую советологию привели к активному развитию кремленологии, сосредоточившей внимание на изучении высших эшелонов власти. Сочетая старые традиции политической истории XIX в. с немарк-

систскими тенденциями социологии XX в., советологи отображали историю СССР во «властных» политических терминах. Так, А. Улам отмечал, что для советологии и кремленологии «наиболее практичный и серьезный подход к изучению Советского Союза — это анализ его политической

системы, что в свою очередь требует обращать первостепенное внимание на политическое руководство»²⁶.

Частью исследователей кремленология воспринималась как карикатура на политический анализ, использующая только политические и личностные характеристики. М. Луис писал, что какие бы сферы жизни советского общества ни рассматривали эти специалисты, в конечном итоге они неизменно сводили изучение всех институтов, реформ, новых элементов развития к «властным потребностям» правящей группы²⁷.

Однако, при всех своих недостатках, кремленологи расширили знания о советской политической системе. Например, Р. Конквест писал, что среди серьезных исследователей кремленологи пользовались дурной репутацией. Они воспринимались как гадалки, изучающие призрачные фигуры с помощью хрустального шара. Кремленология была «черным искусством». Однако в тех реальных условиях, в которых приходилось действовать исследователям, изучавшим Советский Союз, именно гипотезы были естественным научным методом²⁸.

С. Коэн, описывая историю ревизионистского направления советологии, также отмечает положительное влияние кремленологии. Первая ревизионистская волна в советологии относится ко второй половине 1960-х гг., а в 1970-е гг. историками-ревизионистами были опубликованы серьезные монографические исследования. Советологи-ревизионисты подвергли критике три важнейшие составляющие тоталитарной парадигмы: утверждения о статичности и монолитности советской политической системы и ее абсолютном отличии от западных систем власти. По мнению С. Коэна, появление нового направления было вызвано влиянием общественных наук, создавших ситуацию «методологической революции» в советских исследованиях. Сказалось и воздействие кремленологии, которая, несмотря на присущие ей недостатки и не слишком солидную научную репутацию, смогла представить достаточно глубокий анализ борьбы среди советского руководства. И хотя кремленология рассматривала ситуации только в высших эшелонах власти, она способствовала разрушению мифа о монолитном режиме, который предлагала тоталитарная школа²⁹.

В 1960-е гг. англо-американские ученые сделали первые шаги в направлении сравнительного изучения советской политической системы. Заметный след в истории советологии оставил сборник статей «Изучение коммунизма и общественные науки: эссе о методологии и эмпирической теории», изданный под редакцией Ф. Флерона в 1969 г.³⁰ Он подчеркивал разрыв между советологией и западным обществоведением и предлагал использование «сравнительного коммунизма» как формы применения методов обществоведения в советологии. После публикации Ф. Флерона тенденция сравнительного анализа коммунистических систем стала заметным явлением англо-американской историографии. Концепция подразумевала наличие различий в странах «восточного блока» и возможные различные пути их развития. Хотя сравнительный коммунизм не обязательно вел исследователей к сравнению советской политической системы с нетоталитарными режимами, он, безусловно, являлся заметным продвижением в применении концепций и теорий западного обществоведения в советологии.

Наряду с изучением политической системы особое внимание исследователей было привлечено к советской идеологии, пропаганде и, как производной от них, культуре. Среди первых исследователей, применивших концепцию «политической культуры» к изучению Советского Союза, был Ф. Баргхорн, для которого это направление стало базовым при подготовке книги «Политика в СССР»³¹.

Однако исследование советской политической культуры вызывало серьезные разногласия в англо-американской академической среде. Ф. Флерон писал, что «политическая культура» была флогистоном советологии, т. е. классическим примером концепции, одновременно объясняющей все и ничего. Это означало не то, что политическая культура реально не существовала, а скорее то, что она использовалась как *a deus ex machina* для объяснения иначе необъяснимых феноменов российской и советской политики. Подобное использование концепции политической культуры было фактическим признанием неспособности объяснить определенные феномены исторических процессов³². А. Даллин добавлял, что в отношении Советского Союза политическая культура постоянно использовалась как остаточная категория, с помощью которой объясняли то, что по-другому объяснить не могли.

То же можно сказать и о часто используемых аналогиях из российской истории. А. Даллин справедливо отмечал, что «из книги в книгу, из статьи в статью кочевали «смертельные параллели» между Иваном Грозным и Сталиным, между безжалостной модернизацией Петра I и советским развитием, между отсутствием свободы в царской России и контролем во времена Берия. Даже

рассматривая эти примеры как продолжение традиций российской политической культуры, надо признать, что такие сравнения больше дезинформировали, чем информировали, так как игнорировали различия в уровне развития и сопутствующих условиях... Постоянные напоминания о долговечности диктатуры вели к пренебрежению кропотливым микроанализом советской политики. В крайнем виде это приводило к заявлениям о том, что детальное изучение советских явлений и событий — это пустая трата времени, поскольку основные тенденции и так известны и неизменны»³³.

Тезис о преемственности российской политической культуры со времен Московской Руси до советского периода отстаивал Э. Кинан в статье «Традиционные пути московской политики»³⁴. Под «политической культурой» автор понимал «комплекс верований, практик и ожиданий, который — в умах русских — придавал порядок и значение политической жизни и... позволял его носителям создавать как основополагающие модели их политического поведения, так и формы и символы, в которых оно выражалось». В свете его теории генеральный секретарь и политбюро оказываются «законными наследниками» московских царей и их бояр³⁵.

А. Керенский, в годы эмиграции занявшийся историческими исследованиями, отмечал по этому поводу, что «русское слово «грозный» отнюдь не означает «ужасный»... Ссылками на Ивана Грозного стремятся зачастую подкрепить расхожие на Западе утверждения о том, что Россия — отсталая страна, где полностью отсутствует свобода в ее западном понимании. Конечно, он совершил немало ужасных преступлений, но преступления такого рода совершались в те времена повсеместно по всей Европе — Филипп II в Испании, Генрих VIII и «Кровавая Мэри» в Англии, Людовик XI во Франции, Эрик в Швеции, герцог Альба — все они в равной степени виновны в совершении таких преступлений»³⁶.

Однако далеко не все исследователи считали возможности «исторических параллелей» исчерпанными. Например, Р. Пайпс характеризовал российскую систему как «патримониальную», используя термин М. Вебера для обозначения общества, где земля и жившие на ней люди были собственностью суверена. Пайпс видел в патримониализме, более традиционно выражающемся понятием «восточный деспотизм», основу советской системы, в генезисе которой, по его мнению, марксизм играл второстепенную роль. М. Малиа писал, что Р. Пайпс «отмечает свой возврат в мир советологических дискуссий, воскрешая и совершенствуя тоталитарную модель, от которой он не отрекся в эпоху ревизионизма. Для него ключ к советизму скорее находится в русской национальной традиции и в практически неизменной российской политической культуре, суть которой — деспотизм верхов и рабская покорность низов, традиции, по которой страна и ее жители являются собственностью правителя, а права власти смешиваются с правами собственности»³⁷.

Р. Такер в начале 1990-х гг. вновь отмечал слабое внимание исследователей к оценке влияния российского прошлого, его политических и культурных традиций, на советскую систему. Он подчеркивал важность понимания цикличности российской истории, чередования периодов усиления и ослабления государственной экспансии по отношению к обществу. Советологические работы, даже анализирующие политическую культуру, оценивали влияние дореволюционных традиций в лучшем случае в рамках концепции линейного развития или теории стадий³⁸.

Ошибки в применении концепции не означали неверность самой концепции и не умаляли важности вопроса, вызывавшего серьезные споры среди советологов — степень взаимосвязанности между традиционной российской и советской политической культурой. Проблемы, связанные с изменениями в политической системе и политической культуре, не могут быть решены априори, а только с помощью эмпирических исследований. Объяснения, базирующиеся на национальной культуре, могут быть убедительны только в сочетании со структурными и институциональными объяснениями. Необходимо и сочетание со сравнительными исследованиями, которые могут обосновать возможность объяснения определенного явления в рамках национальной истории и культуры или в масштабах, выходящих за национальные границы. В западной советологии до второй половины 1980-х гг., в силу закрытости советского общества, ощущалась нехватка систематических эмпирических данных. Лучшее, что удалось сделать в таких условиях — массовые интервью советских эмигрантов. Первый раунд интервью был предпринят в США в рамках Гарвардского проекта (*Harvard Refugee Interview Project — HIP*) в 1950—1951 гг. Следующим шагом стал проект советских интервью (*Soviet Interview Project — SIP*), проведенных в 1983 г.³⁹

Гарвардские исследователи А. Бауэр, А. Инкелес, К. Клухон, используя социологические методы, подготовили по итогам *Harvard Refugee Interview Project* книгу «Как работает советская система». Публикация была основана на докладе «Важнейшие психологические стороны советской

общественной системы», подготовленном для военно-воздушных сил США, заказавших и оплативших пятилетнее исследование данной проблемы. В определенном смысле книга отразила слабые стороны спонсированного исследования, поскольку авторы были вынуждены подготовить упрощенный «популярный» вариант издания для заказчика. Однако собранные в ходе реализации проекта материалы представляют значительный интерес. Было проведено

комплексное интервьюирование 329 беженцев из СССР. Кроме этого, дополнительно опрошено 435 человек. В общей сложности собрано 33 тыс. страниц данных, подготовлено 50 неопубликованных и 35 опубликованных исследований. Гарвардские ученые обратили внимание прежде всего на изучение сильных и слабых сторон общественной системы СССР, поведение отдельных групп населения. Экономические и политические аспекты интересовали исследователей в меньшей степени⁴⁰.

Один из важнейших выводов Гарвардского проекта заключался в том, что «этническая самоидентификация играет в Советском Союзе значительно меньшую роль, чем классово-социальная, и в меньшей степени влияет на формирование ценностей человека, его отношение к режиму»⁴¹. Авторы в соответствии с теорией модернизации считали, что индустриализация и урбанизация оказывают решающее влияние на советских людей. «Тоталитарные черты советской системы, писали они, долго не давали нам возможность увидеть, что основные характеристики советского и современного индустриального общества чрезвычайно близки»⁴².

Лишь в 1970—1980-е гг. «поведенческое» понимание политической культуры стало доминирующим в советологии. С. Уайт определил политическую культуру как «матрицу, состоящую из поведения и отношения, внутри которой расположена политическая система»⁴³. Г. Алмонд отмечал, что единственным объяснением того, почему в изучении коммунизма ученые выводят «отношение» из «поведения», является недостаток возможностей для прямого изучения «отношения». Главным вопросом, который должен исследоваться в политической культуре, он считал взаимодействие и взаимовлияние «отношения» и «поведения»⁴⁴.

Большинство англо-американских ученых в 1970-е гг. приветствовало применение западных концепций, считая, что приспособление моделей для изучения Советского Союза полезно и будет способствовать взаимному обогащению советологии и общественной науки в целом. Но слишком легкое использование западных концепций таило в себе опасность, которую Д. Сартори назвал «концептуальной эластичностью»⁴⁵. Он не отрицал возможности сравнения политических систем, но подчеркивал необходимость учитывать различия в компонентах, зачастую носящих одинаковые названия. В первую очередь следует обратить внимание на опасность сглаживания черт различия советской и западной систем, поскольку применяемые концепции подчеркивают, прежде всего, их общность.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. наличие слабых сторон применяемых концепций вызвало не только резкие критические оценки в англо-американском академическом сообществе, но и обсуждение самой возможности применения моделей в советологии. Так, В. Бунсе и Д. Эчолс отрицали возможность применения сравнительных исследований, считая, что этот метод принесет в советологию лишь новые ошибки, не исправив старых, порожденных региональным подходом к изучению СССР. Хотя они и признавали важность применения идей социальных наук из-за очевидных недостатков тоталитарной теории, но одновременно критиковали и отдельные моменты пришедшей ей на смену теории модернизации. Последняя заимствовала западные модели развития и плюрализма, но не уделяла должного внимания репрессивным тенденциям советского режима⁴⁶.

Более обещающие подходы в применении теорий западных социальных наук в советологии появились в начале и середине 1980-х гг. Ученые стали применять более

строгие в теоретическом отношении подходы к изучению отношений между государством и обществом, центром и периферией. Это стало особенно важно во второй половине 1980-х гг., когда появилась возможность использования новых материалов и проведения эмпирических исследований.

Оценивая влияние теоретических концепций на советологию, Г. Алмонд и Л. Роселле отмечали, что усиление интереса ученых к теории привело к использованию в исследованиях СССР целого ряда моделей, первоначально примененных к изучению таких регионов, как Европа, США, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия. Наряду с исторической методологией начали использоваться элементы

концепций, заимствованных из политологии, социологии, социальной психологии, антропологии. Хотя ни одна из моделей не могла охватить все аспекты изучения советской реальности, каждая из них способствовала лучшему пониманию отдельных аспектов советской системы и, следовательно, давала возможность англо-американским советологам глубже понять систему в целом⁴⁷.

Изучение советского общества в 1960—1980-е гг. становилось все более детальным и эмпирическим. Хотя задача описания системы в целом сохранялась, значительный интерес вызывал анализ ее отдельных составляющих. В то время как на ранней стадии изучения Советского Союза «советская политика» была практически равнозначна политике высшего руководства, в дальнейшем большее внимание уделялось политике низших уровней и комплексу взаимоотношений между гражданами и правительством. Исследователи также стали анализировать не только политический процесс, но и его результаты и последствия. Англо-американская советология обогатилась новыми темами исследований, применяемыми методами и сделанными выводами. Различия стали столь же значительными, как при изучении других регионов мира.

¹ *Linden R.* Khrushchev and the Soviet Leadership, 1957—1965. Baltimore, 1966; *Kelley D.* Toward a Model of Soviet Decision-Making // *American Political Science Review*. 1974. Vol. 68 (December).

² *Hough J., Fainsod M.* How the Soviet Union is Governed. Cambridge, 1979. P. VII.

³ *Skilling H.* Interest Groups and Communist Politics // *World Politics*. 1966. Vol. 18. Is. 3. P. 435.

⁴ *Barghoorn F.* Politics in the USSR. Boston, 1966.

⁵ *Hazard J.* The Soviet System of Government. Chicago, 1957; *Armstrong J.* Ideology, Politics and Government in the Soviet Union. New York, 1962; *Ulam A.* The New Face of Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1963.

⁶ *Easton D.* The Political System. Chicago, 1953; *Lasswell H.* The Decision Process. Bureau of Governmental Research, 1956; *Almond G.* Comparative Political Systems // *Journal of Politics*. 1956. Vol. 18. Is. 3. P. 391—409.

⁷ *Lane D.* Politics and Society in the USSR. New York, 1978. P. XIII.

⁸ *Ibid.*

⁹ *Meyer A.* The Soviet Political System; An Interpretation. New York, 1965. P. 468.

¹⁰ *Kassof A.* The Administered Society: Totalitarianism Without Terror // *World Politics*. 1964. Vol. 16. Is. 4. P. 558—575.

¹¹ *Rigby T.* Traditional, Market, and Organization Societies // *World Politics*. 1964. Vol. 16. Is. 4. P. 539—557.

¹² *Armstrong J.* Sources of Administrative Behavior: Some Soviet and Western European Comparisons // *American Political Science Review*. 1965. Vol. 59. Is. 3. P. 643—655.

¹³ *Barghoorn F.* Politics in the USSR. Boston, 1966. P. 202.

¹⁴ *Skilling H.* Interest Groups and Communist Politics // *World Politics*. 1966. Vol. 18. Is. 3. P. 435—451.

¹⁵ *Interest Groups in Soviet Politics*. Princeton, 1971.

¹⁶ *Skilling H.* Interest Groups and Communist Politics Revised // *World Politics*. 1983. Vol. 36. Is. 1. P. 5.

¹⁷ *Bunce V., Echols J.* From Soviet Studies to Comparative Politics: The Unfinished Revolution // *Soviet Studies*. 1979. Vol. 30. Is. 1.

¹⁸ *Himmelfarb G.* A Letter to Robert Conquest // *Academic Questions*. 1991. Vol. 4. Is. 4. P. 44.

¹⁹ *Conquest R.* Power and Policy in the U.S.S.R. The Study of Soviet Dynasties. New York, 1961.

²⁰ *Хоскинг Дж.* Я — русский националист // *Известия*. 2001. 1 авг.

²¹ *Willerton J.* Clientelism in the Soviet Union: An Initial Examination // *Studies in Comparative Communism*. 1979. Vol. 12. Is. 1. P. 159—183.

²² *The Behavioral Revolution and Communist Studies; Applications of Behaviorally Oriented Political Research on the Soviet Union and Eastern Europe*. New York, 1971.

²³ *Conquest R.* Power and Policy in the U.S.S.R. The Study of Soviet Dynasties. New York, 1961; *Ploss S.* Conflict and Decision-Making in Soviet Russia. Princeton, 1965; *Rigby T.* Communist Party Membership in the USSR, 1917—1968. Princeton, 1968.

²⁴ *Hough J.* The Soviet Prefects. Cambridge, 1969.

²⁵ *Bunce V.* Union of Soviet Socialist Republics // *Handbook of Political Science Research on the USSR and Eastern Europe: Trends from the 1950s to the 1990s*. Westport, 1992. P. 173.

²⁶ Цит. по: *Kotkin S.* Kremlinologist as Hero // *New Republic Online*. <http://www.thenewrepublic.com/110600/kotkin110600.html> (2000, 11 June).

²⁷ *Deutscher I.* The Man and His Work. New York, 1983. P. 148.

²⁸ *Conquest R.* Power and Policy in the U.S.S.R. The Study of Soviet Dynasties. New York, 1961. P. 3, 8, 9.

²⁹ *Cohen S.* Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985. P. 29—30.

³⁰ *Communist Studies and the Social Sciences: Essays on Methodology and Empirical Theory*. Chicago, 1969.

³¹ *Barghoorn F.* Politics in the USSR: A Country Study. Boston, 1966.

³² *Fleron F.* Post-Soviet Political Culture in Russia: An Assessment of Recent Empirical Investigations // *Europe — Asia Studies*. 1996. Vol. 48. Is. 2. P. 225—260.

³³ *Dallin A.* Bias and Blunders in American Studies on the USSR // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. Is. 3. P. 571.

³⁴ *Keenan E. L.* Muscovite Political Folkways // *The Russian Review*. Vol. 45. 1986. P. 115—181.

³⁵ Цит. по: *Кром М. М.* Историческая антропология. http://www.eu.spb.ru/history/reg_hist/posobie.htm.

³⁶ *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1996. С. 34.

³⁷ Цит. по: *Петров Е. В.* Американское россиеведение: Словарь-справочник. <http://petrov5.tripod.com/welcome.htm>

³⁸ *Tucker R. C.* Sovietology and Russian History // *Post-Soviet Affairs*. 1992. Vol. 8. Is. 3. P. 161.

³⁹ Обобщение результатов НИР дано в работе *Bauer R., Inkeles A, Kluckhohn C.* How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes: Cambridge, 1956; *SIP — Politics, Work, and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens*. Cambridge, 1987.

⁴⁰ *Bell D.* Ten Theories in Search of Reality // *World Politics*. 1958. April. P. 348.

⁴¹ *Inkeles A., Bauer R., Raymond A.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, 1959. P. 351.

⁴² *Ibid.* P. 383—384.

⁴³ *White S.* Political Culture and Soviet Politics. New York, 1979. P. 1. 84.

⁴⁴ *Almond G.* Review of White // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. Is. 2. P. 307.

⁴⁵ *Sartori G.* Concept Misinformation in Comparative Politics // *American Political Science Review*. 1970. Vol. 64. Is. 4. P. 1033—1053.

⁴⁶ *Bunce V., Echols J.* From Soviet Studies to Comparative Politics: The Unfinished Revolution // *Soviet Studies*. 1979. Vol. 30. Is. 1. P. 44—46.

⁴⁷ *Almond G., Roselle L.* Model Fitting in Communism Studies // *The Nature of the Soviet System*, 1992. P. 467.